

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 80-летию
доктора исторических наук
Е.А. ДАВИДОВИЧ
и действительного члена Академии наук Таджикистана,
академика РАЕН,
доктора исторических наук
Б.А. ЛИТВИНСКОГО
Москва, 3-5 апреля 2003 г.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2005

Е.Е. Неразик

ДРЕВНИЕ ГОРОДА ХОРЕЗМА И ПУТИ ИХ РАЗВИТИЯ

(IV в. до н.э. — IV в, н.э.)

Исследование древних среднеазиатских городов давно вышло за рамки публикации сведений об отдельных археологических памятниках, хотя последние также представляют большой интерес. Сейчас уже имеются обобщающие очерки о древних городах Бактрии [Пугаченкова 1966; Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978; Кругликова 1974; Крутикова, Пугаченкова 1977; Литвинский, Седов 1983], Согда [Сулейманов 2000; Шишкина, Сулейманов, Кошеленко 1985], Чача [Буряков 1982; Филанович 1983], Хорезма [Ягодин, Никитин, Кошеленко 1985; Неразик 1981]. Постепенно выявляются общие и особенные черты в развитии городских центров, специфика урбанизационных процессов в этих регионах и ряд других вопросов. Однако нельзя не заметить, что общих сводок по истории древнехорезмийских городов немного и они далеко не полны. К тому же в разных трудах одни и те же археологические памятники относят то к городам, то к крепостям или же поселениям. Понятно, что выделение среди археологических объектов городских центров, основываясь главным образом на их размерах, укрепленности, наличии или отсутствии цитадели, — вопрос очень сложный. Вместе с тем раскопки и разведочные работы предпринимались на многих древних городищах Хорезма. Так, в течение 10 сезонов велись раскопки на городище Кюзели-гыр (с 1953 г. по 1984 г. с большим перерывом) [Вишневская 1972; 1978; 1984; Вишневская, Рапопорт 1997]. В 1952 г. обследовалось городище Куня-уаз [Неразик 1958], в 1952, 1960 гг. — Калалы-гыр 1 [Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963], тогда же — Хазарасп [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик 1963]. Наиболее крупные стационарные работы проведены в 1965-1975 гг. (с перерывом в 1969-1971 гг.) на городище Топрак-кала [Городище Топрак-кала 1981].

В связи с составлением археологической карты Узбекистана и для «Свода археологических памятников Узбекистана» исследовались памятники древности на территории Хорезмской области Узбекистана: Ваянган в Шаватском районе [Мамбетуллаев, Кдырнийзов 1982], Хумбуз-тепе [Мамбетуллаев 1984], Топрак-кала Хивинская [Мамбетуллаев 1985], Большая Айбугир-кала [Мамбетуллаев 1990]. В течение нескольких полевых сезонов раскапывалась крепостная стена

Ичан-капы в Хиве с примыкающими к ней участками [Мамбетуллаев, Юсупов, Хожаниязов, Матрасулов 1986].

С 1995 г. Каракалпакско-Австралийская экспедиция работает на огромном городище Казаклы-Яткан, открытом Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в 1956 г. в Ташкырманском древнем оазисе близ современного районного центра Бируни [Helms, Yagodin 1997]. Чрезвычайный интерес представляют также работы Х. Юсупова на городище Куня-Ургенч, где выявлены остатки древних крепостных сооружений [Юсупов 1993].

В целом можно сказать, что хотя во многих случаях в результате упомянутых работ древние слои были только затронуты, однако удалось установить их датировку (иногда, впрочем, еще требующую дальнейшего уточнения), выявить особенности фортификации, а также некоторых монументальных сооружений (в частности, дворцовых) и т.д. Лишь в ряде случаев раскопками вскрыт большой или меньший участок внутренней застройки.

Совокупность полученных сведений позволила определить ряд факторов, лежавших в основе формирования и развития городов, а также отказаться от первоначального представления об их специфике [Неразик 1976; 1981]. Очень большое значение в исследовании городов и урбанизационных процессов в древнем Хорезме имеет проведенное Хорезмской археолого-этнографической экспедицией сплошное обследование территории древнего региона с нанесением на карту населенных пунктов, каналов, естественных русел и т.д. с учетом хронологических эпох, что позволяет ориентироваться в определении политико-экономического статуса обнаруженных памятников [Андрианов 1981]. Сопоставление различных данных (местоположение города, возможные аспекты связи с окружающими населенными пунктами, выявление их иерархии, связь с ирригационной системой и т.д.) может дать много сведений для исследования городской тематики.

Обращаясь к этой тематике вновь, автор поставил своей целью помимо краткой сводки о количестве, размерах и местоположении древних городов затронуть некоторые вопросы истории отдельных памятников городской культуры, существенных для понимания ее развития, особенно на ранних стадиях градообразования.

Древнейшим городским поселением Хорезма считается городище Кюзелигыр площадью 25 га, в котором некоторые исследователи видят Хорасмию Гекатея Милетского [Вишневецкая, Рапопорт 1997, с. 171], справедливо, по нашему мнению, иногда называя его протогородом. Городище, датированное концом VIII-V в. до н.э., относится к архаическому периоду истории Хорезма, рассмотрение которого выходит за рамки данной статьи. Урбанизационные процессы в эту эпоху темны и неясны. Остановимся лишь на нескольких моментах, представляющих интерес для рассматриваемой темы.

Архаический период, согласно С.П. Толстову, — время становления хорезмийской государственности, причем указанный автор заглубляет его до VII в. до н.э. [Толстов 1962, с. 92, 106, 108 и др.]. Если следовать его концепции, получается, что урбанизационные процессы на севере и юге Средней Азии развивались почти синхронно, так как первые городские поселения возникают на юге, например в Согде, уже в VIII-VII вв. до н.э. [Сулейманов 2000, с. 45]. С этим

можно согласиться, если иметь в виду только появление первых протогородов, так как массовые урбанизационные процессы разворачиваются в Хорезме, как будет показано ниже, много позднее. К архаическому периоду относится появление искусственных каналов, отличавшихся от сооружений более древней эпохи бронзы большей шириной и протяжением, что, несомненно, знаменует прогресс в области ирригации. Обилие поселений архаического периода как на левом, так и на правом берегах Амударьи (к сожалению, сохранившихся только в виде россыпей керамики) позволяет предполагать значительное увеличение численности и плотности населения. Все это служило той урбанизационной средой, без которой не могли появиться городские центры. С другой стороны, эта среда в природном отношении, игравшем большую роль на первых этапах урбаногенеза, была здесь достаточно ограниченной по сравнению, например, с Бактрией из-за отсутствия в Хорезме значительных запасов рудных месторождений, а также разных хозяйственно-ландшафтных зон, которые могли бы способствовать развитию обмена и ремесел. В этой среде основной движущей силой в экономике было взаимодействие земледельцев и скотоводов. В не меньшей степени (если не в большей) имело значение влияние южных, более развитых в экономическом отношении областей и, возможно, появление пришлого оттуда населения.

Обычно при описании памятников архаического периода в Хорезме привлекаются материалы Кюзели-гыра, а для конца периода — Калалы-гыра 1. Исследования последних и привели к выводу о выходе Хорезма из-под власти Ахеменидов в конце V в. до н.э. Конечно, картина урбаногенеза сильно расширилась бы, если учесть, что концом V - IV в. до н.э. датируется возникновение целого ряда городов (Хивы, Хазараспа, может быть, Казаклы-Яткана, Большой Айбугиркалы). Однако, к сожалению, нижние слои этих городищ изучены пока недостаточно, и для уверенных выводов в отношении датировки необходимо расширение материалов и их сопоставительное изучение. Это прежде всего относится к городищам Базар-кала и Казаклы-Яткан. Возможность отнесения Базар-калы к VI-V вв. до н.э. устанавливается на основании изучения исключительно подъемной керамики [Воробьева 1958]. С.П. Толстов и Я.Г. Гулямов, заложившие шурф на этом памятнике, слоя не обнаружили [Воробьева 1986, с. 26]. Многое в его истории остается неизвестным. Удивляет, что всюду на его поверхности встречается разбросанная каменная щебенка гыра, на котором стоят стены городища. Они возвышаются всего на несколько метров, за исключением примыкающих к цитадели, построенной в юго-восточном углу. На всех остальных участках эти стены имеют вид низких оплывших валов, снабженных башнями полуовальной формы и имевших внутренний стрелковый коридор. Возможно, близ восточной стены существовало какое-то здание того же времени, но датировка его требует уточнения. Помимо древнейшей на городище керамики VI-V вв. до н.э. (очень важно было бы уточнение даты: VI или V в. до н.э.?) встречается и более поздняя (IV-III вв. до н.э. и первых веков н.э.), что объясняется наличием дома «кангюйского» периода в юго-западной части городища и нескольких гончарных печей этого времени. Они, несомненно, работали на уже запустевшем (а может быть, и недостроенном) городище, но никак, по нашему мнению, не могут рассматриваться в качестве керамического квартала, действовавшего в «живом»

городе. В свое время Я.Г. Гулямов также рассматривал Базар-калу как пережившую два периода в своей истории. По его мнению, через несколько столетий после запустения древнего городища в северо-восточной части строится внутренняя крепость с использованием участков северной и восточной стен древнего городища. Вход укрепляется Г-образным предвратным сооружением. Я.Г. Гулямов полагал, что именно тогда на городище появились вышеупомянутые керамическая мастерская и здания [Гулямов 1957, с. 77]. По мнению М.Г. Воробьевой, все они относятся к первым векам нашей эры. [Воробьева 1986, с. 28]. Необходимо заметить, что называть «внутреннюю крепость» цитаделью (по Я.Г. Гулямову) вряд ли правильно, коль скоро в ту пору самого городища уже не существовало. Это была небольшая крепость, видимо построенная в «кангюйский» период и продолжавшая существовать в первые века н.э., — одна из тех, какие вообще были характерны для указанных периодов и о которых речь пойдет ниже.

Вокруг Базар-калы в радиусе более двух километров во все стороны простирались территории, насыщенные остатками сельскохозяйственной жизни и небольших керамических производств. Наиболее точно, по нашему мнению, эту картину рисует Я.Г. Гулямов: «Археологический облик Базар-калинского района говорит о большой концентрации населения около примитивно устроенного в глубокой древности пункта. Это — опорно-оборонительное сооружение жителей оазиса в случае нападения кочевников и других военных действий на территории оазиса» [Гулямов 1957, с. 78]. В связи с этим напомним, что значительная территория так называемого нижнего укрепления в Кюзели-гыре, современнике Базар-калы, также не была застроена и являлась убежищем окрестного населения в случае опасности [Вишневская, Рапопорт 1997, с. 155]. Базар-кала, как и Кюзели-гыр, располагалась вдалеке от центральных зон Хорезма. Первое из этих городищ находилось на крайнем востоке населенной территории Правобережья. На этой территории, в том числе и возле Базар-калы, зафиксированы остатки ирригации, представлявшей собой широкие (иногда 20 м между береговыми отвалами), но мелкие каналы, воспроизводившие естественные русла. И Я.Г. Гулямов и Б.В. Андрианов отмечали, что наиболее протяженные из них достигали лишь 10-15 км. Один из двух каналов вблизи Базар-калы брал воду из протока Акчадарьи в 2-3 км от городища и был длиной 8-9 км [Гулямов 1957, с. 118].

Второе крупное городище Правобережья — Казаклы-Яткан, превышавшее Базар-калу по размерам, состояло из «верхнего города» и «нижнего» и чрезвычайно напоминает последнюю по плану (как уже отметили исследователи Андрианов, Хелмс, Ягодин) (рис. 1). Хотя «верхний город» и намного превышал цитадель Базар-калы по площади, он также занимал северо-восточный угол городища и имел аналогичное Г-образное предвратное сооружение. Так же, как и в «нижнем укреплении» Кюзели-гыра, «нижний город» Казаклы-Яткана, согласно наблюдениям исследователей, застроен не был или же имел большие незастроенные территории. К сожалению, пока история города не выяснена со всеми подробностями, в частности неясно, существовали ли «верхний» и «нижний» города изначально или же сначала появился только один из них? Согласно стратиграфическим наблюдениям, в существовании «верхнего города» после первого

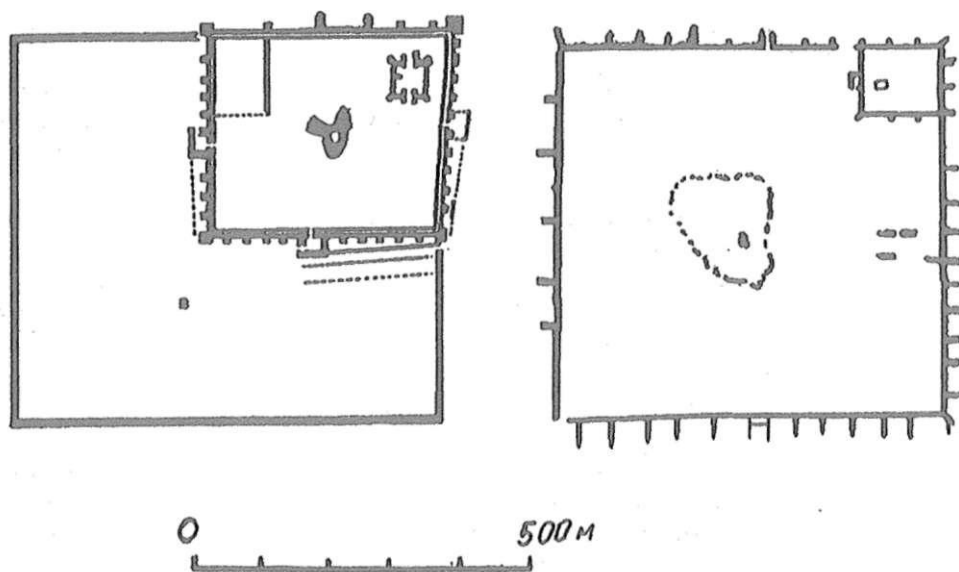

Рис. 1. Базар-кала и Кизил-юль.
Планы (по С. Хелмсу и В. Ягодину)

периода его истории был какой-то перерыв. Предполагается, что и ранние стены «нижнего города» были недостроены. Не исключено, что в свете последних раскопок Кизил-юля его история может оказаться близкой к базар-калинской, если верно определено нижней даты первого V в. до н.э. или даже VI в. до н.э. [Helms, Yagodin 1997 с. 49, 61].

Таким образом, в истории древнего периода градостроительства в Хорезме начинают вырисовываться некоторые пока еще смутные его черты. Пытались ли Ахемениды организовать себе опорные пункты не только в Левобережье (Калалыгыр I), но и на правом берегу (Базар-кала и Кизил-юль)? Или же, скорее, там возникли крупные местные города, причем окраинная Базар-кала была заброшена на несколько веков, а новый, сходный в общих чертах город строится близ Амударьи, возможно, по предположению его исследователей, как столица страны? Оба вышеуказанных городища, во всяком случае, сильно отличаются от Кюзеги-гыра.

Как ранее отметил С.П. Толстов, по внешним очертаниям Кюзеги-гыра более всего напоминает Чирик-рабат на северной периферии Хорезма, что, возможно, объясняется родственными корнями населения, формировавшегося в общей этнической сако-массагетско-хорезмийской среде.

Учитывая большие размеры незастроенной территории на Кюзеги-гыре, возможно и в этом отношении сопоставлять его с Чирик-рабатом, ставкой племенного вождя, одной из функций которой было служить убежищем окрестного населения в случае опасности [Толстов 1962, с. 103; Вайнберг, Левина 1993, с. 22]. Некоторые исследователи усматривают и единство происхождения сопоставляе-

мых городищ вокруг мемориальных центров — см. [Сулейманов 2000, с. 46], что, впрочем, не находит поддержки в труде исследователей Кюзели-гыра [Вишневская, Рапопорт 1997]. Оставляя в стороне этот сложный вопрос, обратимся к территории освоения в районе Калалы-гыра 1, выделявшейся особенностями ирригационно-хозяйственной деятельности сравнительно с оазисами Базар-калы и Кюзели-гыра. Эти особенности, по нашему мнению, могут дополнить доводы в пользу гипотезы о попытке создания здесь центра ахеменидской сатрапии.

Археологические памятники Левобережного Хорезма обычно располагались на останцовых возвышенностях ввиду сильной увлажненности местности многими действовавшими руслами и протоками. На одном из таких всхолмлений построен Калалы-гыр 1 близ русла Даудана, из которого брал начало большой, очень необычный искусственный канал протяженностью 50 км при общей ширине 70 м (вместе с валами).

Этот так называемый Куны-уазский канал проложен в непосредственной близости от Даудана, со стороны которого был ограничен дамбой со своеобразными подковообразными сооружениями, нигде в Хорезме больше не зафиксированными. Против истоков данного канала на южном берегу Даудана и стоит Калалы-гыр 1, а в его верховьях, на северном берегу — Куны-уаз. Далее канал направлялся к Турпак-кале и заканчивался у возвышенности Туз-гыр, а затем его продолжением служило естественное русло. Учитывая, что Калалы-гыр 1 и Куны-уаз разделены всего десятью километрами, можно думать, как ранее справедливо предполагала Б.И. Вайнберг [Вайнберг 1991, с. 23-24], что на данной территории создавался административно-ирригационный район (или оазис). Имея в виду, однако, недостроенность Калалы-гыра 1, доказанную археологически [Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963], можно полагать, что основная роль в оазисе вскоре перешла к городу, развалины которого ныне носят название Куны-уаз. В непосредственной близости от Калалы-гыра 1 не позже IV в. до н.э. был построен круглый храм Калалы-гыр 2, публикация раскопок которого готовится. Чтобы оценить масштабы работ, предпринятых при сооружении Куны-уазского канала, напомним, что все прочие каналы архаического периода, обследованные Б.В. Андриановым в Левобережном Хорезме, имели протяжение 5-6 — 10 км при ширине между валами 14-20 м и менее [Андрианов 1969, с. 154-155]. Обычно, таким образом, это были сравнительно широкие, но мелкие и часто короткие каналы, орошавшие окрестности Кюзели-гыра и Куясай-гыра в зоне будущего Чермен-яба, архаическая система которого еще имеет сходство с ирригацией позднебронзового века. Если эти короткие и мелкие каналы могли быть, как нам кажется, созданием отдельных общин, то Куны-уазский под силу только государству. Поскольку этот канал был единственным в своем роде на обширных пространствах Левобережья, а рядом предположительно строился центр ахеменидской сатрапии, то естественно связать строительство города и канала с государственностью Ахеменидов.

Исходя из сказанного, ясно, что только синхронизация истории различных памятников архаического Хорезма, в первую очередь Базар-калы, Казаклы-Яткана, Калалы-гыра 1 и прочих городищ, начальные этапы развития которых датируются V-IV вв. до н.э. или даже более ранним временем, поможет предста-

вить себе первоначальный этап урбанизационных процессов в Хорезме, который являлся их предысторией, когда речь может идти о протогородах. Некоторые исследователи так и называют этот период протогородским [Ягодин 1995, с. 119]. Экономика еще неразвита, намечаются слабые ростки государственности под эгидой власти Ахеменидов, а страна представляла собой рыхлое объединение отдельных оазисов, особенно в Левобережье. Думается, что наши наблюдения вполне подтверждают заключение И.М. Дьяконова: «Вся история древнего Востока показывает, что древнейшие государства вырастают не на основе племенных союзов и сразу в виде целых империй, а на основе отдельных территориальных общин, на ареалах, экономически естественно тяготеющих к одному центру (горная долина, магистральный строительный канал), т.е. в основном в виде городов-государств» [Дьяконов 1971, с. 135].

Обращаясь к следующим столетиям (IV–II вв. до н.э.) (так называемому кангуйскому периоду в истории Хорезма), мы сталкиваемся с большими переменами в культуре страны, прежде всего в урбаногенезе и градостроительстве.

В IV–III вв. до н.э. (или на рубеже V–IV вв. до н.э.?) в Хорезме появляется большое количество городов и крепостей. Это Хива, Хазарасп, Куня-уаз, Кандум-кала, Гульдурсун и др. (см. карту) (рис. 2). По-видимому, в тот же период возникли Ярбекир-кала, Кават-кала, Замахшар, Шах-Сенем, Джанпык-кала. Только пять городов были основаны в III–IV вв. н.э. (это Топрак-кала, Мангыр-кала, Думан-кала, Ваянган, может быть, Шурахан). Таким образом, согласно нашим подсчетам, в Хорезме IV в. до н.э. — IV в. н.э. было не менее 16–17 населенных пунктов, которые можно считать городами. Крупнейшими из них являлись Казаклы-Яткан (по разным данным, от 36 до 42 га или же 50 га), Базар-кала (33 га), Хива (26 га), Большая Айбугир-кала, Куня-уаз, Ваянган (10 га), Кандум-кала (8,7 га), Гульдурсун (8 га), Думан-кала (7,6 га). К небольшим городкам следует отнести Шах-Сенем (5,6 га) и Ярбекир-калу (4,8 га).

Следовательно, «кангуйский» период истории Хорезма ознаменовался большим взлетом градообразования в стране. Некоторые исследователи даже называют это явление урбанизационным взрывом [Ягодин 1995, с. 119]. Одновременно происходит, по словам Б.В. Андрианова, радикальная перестройка ирригационной системы, и вместо коротких, широких и неглубоких каналов, а часто и подправленных естественных русел появляются искусственные водные системы длиной 40–50 км и более [Андрианов 1969, с. 136]. Они действовали на протяжении всей эпохи древности, подвергаясь лишь незначительным изменениям и ремонтам. Исключая архаическую ирригацию, создание такой системы под силу лишь крепкому государству. Напомним, что к этому времени относятся первые письменные документы, создание совершенной для своего времени фортификации, расцвет ремесел, т.е. все главнейшие признаки сформировавшейся цивилизации. Все это возвращает нас к вопросу о времени сложения хорезмийской государственности, который требует специального рассмотрения.

Большинство крупнейших городов той поры стоит уже не на окраинах страны, как Кюзели-гыр или Калалы-гыр 1, а в приамударьинских районах (см. карту). В Правобережье при сложившейся к данному времени четкой структуре ирригационных районов с одним или несколькими оазисами внутри в голове

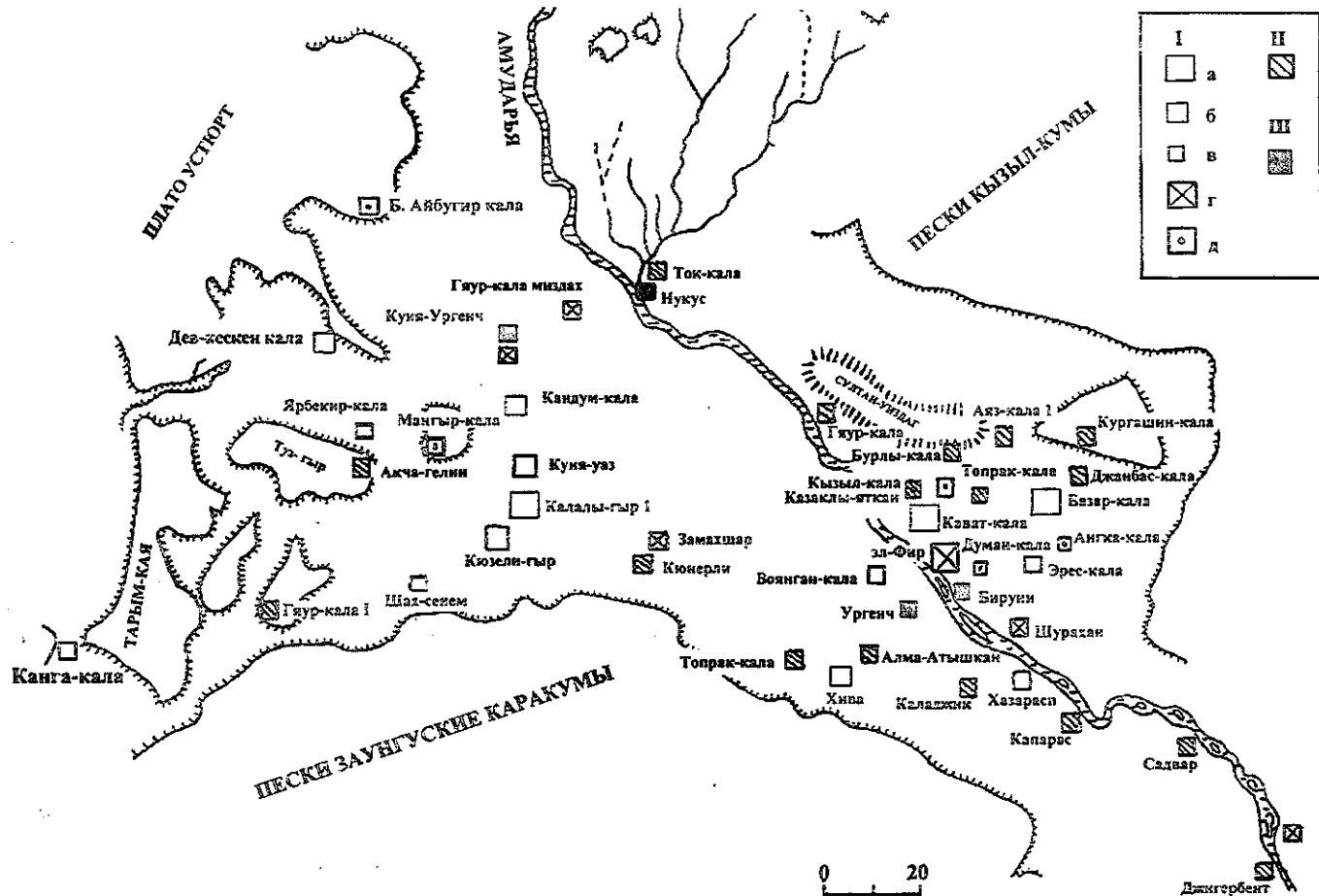

Рис. 2. Карта расположения древних городов и крепостей:
 I — древние города (а — 25 га и более; б — 17–20 га; в — 7–10 га;
 г — менее 7 га; д — размер не установлен; е — города, возникшие в первые века н.э.);
 II — крепости. Показаны квадратами одинаковой величины. III — современный город

канала находился город, а низовья запирало укрепление. Поэтому близ берегов Амударьи оказался сгусток городов.

Наиболее наглядной получится картина, если посмотреть расположение городов близ Бируни, современного районного центра, возникшего на месте или возле ал-Фира, столицы Хорезма с 305 г. н.э. В 20 км восточнее Бируни находился Гульдурсун (у начала Кыр-Кызского канала); близ него — Шурахан (у истоков большого ответвления этого канала), где предполагается античная основа; позже, в первых веках нашей эры, в 14 км северо-восточнее Бируни строится Думанкала с большой цитаделью. Невдалеке от Бируни расположено и городище Казаклы-Яткан, крупнейшее после Калалы-гыра (70 га) (см. карту). Впрочем, вопрос об их сосуществовании тоже остается неясным. Не исключено, что Казаклы-Яткан, учитывая его размеры, мощь фортификации, величину цитадели, действительно, как предполагают его исследователи, окажется столицей Хорезма в рассматриваемый промежуток времени. Пока ее местоположение остается неизвестным. Нельзя при исследовании данного вопроса упускать из поля зрения Гургандж, где возле Тюрабек-ханым под средневековыми слоями раскапывается мощное крепостное сооружение интересующего нас времени. В связи с этим укажем, что в числе кангюйских владений, согласно китайским источникам, упоминался именно Ургенч (Гургандж средневековых авторов) в форме Юегянь [Бичурин, 1950, т. II, с. 186].

На левом берегу реки цепочка крепостей и городов, видимо, свидетельствует о существовании, по крайней мере с IV в. до н.э., торговой трассы, соединявшей южные районы Средней Азии с Хорезмом. У переправ, хорошо известных средневековым авторам, позже (как и сам торговый путь) появляются укрепления Джигербент и Садвар, выше — Хазарасп, далее, немного в сторону от реки, — Хива. Все они отделялись друг от друга расстоянием, примерно равным одному дневному переходу, что лишний раз подчеркивает их расположение на торговом пути. Кстати, предполагается и речное судоходство по Амударье, на что указывают письменные источники [Ртвеладзе 2000, с. 21, 70].

Трассу другого торгового пути — средневекового Шахристанского — намечают, как нам кажется, Замахшар и Шах-Сенем. Если размеры последнего предположительно определяются в результате раскопок (5,6 га), то величина Замахшара в античную эпоху остается неясной.

В оазисах внутри страны городов «кангюйской» эпохи не так уж много: Куныаз, Кандум-кала и небольшой городок Ярбекир на левом берегу, Эрес-кала — на правом берегу. В первые века нашей эры их становится больше: на левом берегу появляется Мангыр-кала (городская природа которой недостаточно ясна) и Ваянган, на правом — Думан-кала, Топрак-кала, может быть, Шурахан. Наконец, нельзя не отметить важный факт — появление в «кангюйскую» эпоху довольно больших городищ на окраинах страны, в пограничной зоне земледельцев и скотоводов: Большой Айбугир-калы и Дев-Кескен-калы на отрогах Устюрта. Возможно, к тому же типу городищ, отличавшихся неправильностью очертаний, наподобие Кюзели-гыра, относится и Эрес-кала на правом берегу. Впрочем, такую же форму с несколько изломанными очертаниями имели Шах-Сенем и Замахшар.

Исходя из сказанного, понятны, как мы надеемся, и основные факторы урбанизационных процессов той поры. Назовем в первую очередь государственное градостроительство и караванную международную торговлю. Первое распространилось не только на обустройство торговых трасс, но преследовало и иные цели: строительство столичных центров и центров административно-ирригационных районов, а также прочих опорных пунктов центральной власти. Во всех этих случаях большое значение и распространение имели государственные крепости. Хорезм IV в. до н.э. — IV в. н.э. — это поистине страна крепостей. Они не только защищали земледельческие оазисы от набегов степняков, располагаясь на правом берегу на останцовых возвышенностях и холмах на севере освоенной территории. Они строились в наиболее важных местах вдоль реки по обоим ее берегам, стояли на западных окраинах Хорезма — это Канга-гыр, Акча-Гелин, Гяур-кала 1. Они являлись военно-административными пунктами внутри оазисов. Видимо, именно таким образом надо трактовать древнюю Кават-калу, кушанскую Анγκα-калу, крупные и менее крупные укрепления вдоль Кырк-Кызского канала (под раннесредневековыми Кум-Баскан-калой, замками Ат-сыз и № 9). Интересно, что эти укрепления отделялись друг от друга примерно равными промежутками, может быть «маркируя» таким образом границы каких-то административных единиц.

В целом общая картина напоминает систему городов и поселений, существовавшую в Древней Месопотамии, где внутренний мир и центральный контроль осуществлялись с помощью многочисленных крепостей, окружавших населенную зону для защиты от внутренних смут и внешних нашествий [Adams 1965, с. 73]. Та же картина наблюдается и в Южном Согде, где городища с цитаделью располагались по западному краю оазиса, главным образом в районах концевых веера оросителей [Сулейманов 2000, с. 53].

Возле крепостей часто вырастали заселенные территории, обнесенные стенами, причем некоторые памятники в этом случае обнаруживают удивительное единообразие. Так, по течению Амударьи напротив возвышенности Джумуртау в теснине на правом берегу, образованной скалистыми отрогами Султан-Уиздага, высятся развалины Гяур-калы — государственного форпоста. Памятник как бы состоит из двух частей: северной, четырехугольной, со стрелковой галереей внутри двойных стен и двухэтажными башнями, и южной, неправильных очертаний, вытянутой по склону. Гяур-кала близко напоминает одноименную крепость того же времени в Левобережье, расположенную на возвышенности, также хорошо укрепленную, четырехугольную, но меньших размеров, с укрепленным поселением на склоне останца [Рапопорт, Трудновская 1958, рис. 1; Толстов 1948, рис. 54].

С течением времени внутреннее пространство некоторых крепостей застраивается и заселяется. Таковы Джанбас-кала и Кургашин-кала, которые часто называют городами. В то же время ничего подобного не наблюдается в Аяз-кале 1, бывшей на всем протяжении своего существования от IV в. до н.э. по IV в. н.э. и даже позднее совершенно незастроенным внутри исключительно оборонительным государственным сооружением. В нем, видимо, во время военной опасности спасалось окрестное население.

В рассматриваемом отношении чрезвычайно интересны результаты раскопок Кургашин-калы, осуществленных С. Коляковым [Коляков 1991, с. 90-141]. Выяснилось, что первоначально, в IV в. до н.э., эта прямоугольная в плане крепость площадью 139x89 м, построенная на останцовой возвышенности, являлась большим хранилищем, так как все ее внутреннее пространство было занято ямами и хумами для хранения продовольствия. Трудно сказать без специальных подсчетов, принадлежало ли это продовольствие только населению, чьи жилища широко раскинулись у подножия крепости среди садов, полей и огородов [Неразик 1976, с. 35-37, рис. 151], или же сюда его свозили и из более отдаленных районов. В случае военной угрозы эта крепость также становилась убежищем, а впоследствии была застроена, как и соседняя Джанбас-кала. В последней появилось культовое сооружение. Такие крепости с течением времени могли становиться цитаделями растущих возле них городов, как это отмечалось выше в случае с двумя Гяур-калами. Поэтому старый вопрос об отсутствии цитаделей в древнехорезмийских городах как их особенной черты сам по себе, учитывая отмеченные обстоятельства, отпадает.

В связи со сказанным выше уместно обратиться к вопросу о типологии хорезмийских городов древности. Большинство из них имело четырехугольную форму (прямоугольную, квадратную) и гораздо реже неправильную, аморфную. В подробностях эта типология не разработана. Имеющийся самый пространственный ее вариант основан на разных признаках (в одном случае — внешние очертания, в другом — отсутствие или наличие башен и т.п.) и потому не может считаться удачным [Мамбетуллаев 1994, с. 29].

Вместе с тем, как было показано выше, в Хорезме и на территории ближайшей его периферии с древнейших времен прослеживается две традиции в градостроении: кочевническая, скотоводческая (Чирик-рабат, Кюзели-гыр) и другая, земледельческая, связанная с великими цивилизациями Древнего Востока.

При определении типологии городов следует иметь в виду существующую точку зрения о том, что строить ее надо не исходя из особенностей планировки городов, а основываясь на типе их сложения — выделять, соответственно, города порядка I, возникшие в процессе градообразования, и города порядка II, построенные государством [Сазонова 1988, с. 63]. И те и другие наблюдаются в древнем Хорезме.

Так, города неправильной формы типа Айбугир-калы или Эрес-калы появились в результате градообразования, в основе которого лежало взаимодействие с периферийными скотоводами. Неправильной формы города выростали, как выше показано, также возле некоторых государственных крепостей. Города правильных очертаний или, во всяком случае, большинство из них отличались устойчивыми, выработанными к тому времени чертами фортификации, включавшей двойные стены со стрелковым коридором внутри, вход, укрепленный двумя башнями, предвратным сооружением прямоугольной или Г-образной формы, башни вдоль стен, стреловидные бойницы. Касаясь формы башен, можно отметить следующее: в IV-II вв. до н.э. башни четырехугольной формы, вопреки установившемуся мнению, были распространены в не меньшей степени, чем полуовальные. В первые века нашей эры четырехугольные башни действительно

преобладали. Близки и количественные параметры элементов фортификации в разных городах: ширина стрелкового коридора колеблется от 2,5 м до 3 м, чаще всего 2,5-2,7 м, толщина крепостной стены — 6,4-7 м, в основании — до 9 м. Длина куртин могла быть различной. Такая однотипность свидетельствует, видимо, о большой роли государственного строительства, предпринятого в «кангюйский» период.

Большую трудность, по нашему мнению, представляет вопрос о структуре древнехорезмийских городов. Есть мнение, что среди них были города трехчастные (цитадель, сам город, пригород), двухчастные (цитадель, город), одночастные — город без цитадели и пригорода. К первым, распространявшимся, как полагают, в «кушанский» период, относят такие города, как Хазарасп, Хива и др. [Мамбетуллаев 1994, с. 29-30]. Похоже, что наиболее распространенным типом были двучастные города, хотя природа поселений вокруг городищ не всегда ясна — были это самостоятельные поселения или пригороды в обычном понимании этого термина? Так или иначе, думается, что все эти типы городов в древнем Хорезме существовали, но их количественное соотношение и принадлежность того или иного города к конкретному структурному типу на данной стадии исследований недостаточно ясны.

Если бы была хорошо известна внутренняя планировка городов, то она также могла бы быть одним из критериев типологизации, не говоря уже о возможности рассмотрения многих вопросов другого порядка, в первую очередь социально-экономических проблем. Однако, как указывалось, в древнехорезмийских городах застройка вскрывалась небольшими участками и представления об ее общих чертах, за редким исключением, не дает. Таким исключением является Топраккала с разбивкой городской территории на однотипные кварталы, симметрично расположенные относительно центральной улицы. Тем не менее даже в последних обобщающих работах [Археология СССР 1985, с. 320] по-прежнему, как и 40-50 лет назад, считается, что эта правильная планировка была характерной для древнехорезмийских городов. Возможно, в случае продолжения раскопок так и окажется, но сейчас для подобного утверждения оснований нет. Неизвестно, например, как были распланированы Хазарасп, Шах-Сенем, древний Гургандж, Гульдурсун и т.д. Мало того, можно твердо утверждать, что такой сравнительно большой город, как Кунья-уаз, не был правильно распланирован. Делившая его пополам кирпичная стена сближает по планировке город с более поздним Дарганом. Согласно стратиграфическим данным, она относится к последним векам существования данного многослойного города. Однако не исключено, что это была не стена, а центральная улица, шедшая от единственных ворот в юго-восточной стене к середине противоположной. Из многих примеров известно, что стены разрушаются неравномерно и часто состоят из останцов, разных по размерам и очертаниям. В данном же случае ровная и гладкая поверхность кирпичной кладки скорее напоминает вымощенную кирпичами улицу. Наличие незастроенных территорий в углах города (в одном был бассейн, в другом, видимо, базарная площадь, остальные неясны) придает городской застройке крестообразный вид, не оставляя места для правильной планировки с кварталами типа топраккалинских. М. Мамбетуллаев упоминает о кварталах на Большой Айбугир-кале,

но на плане видны неправильные очертания застройки, разделенной отнюдь не параллельными улицами [Мамбетуллаев 1990, рис. на с. 92]. Судя по этому плану, только небольшая часть города могла быть занята четырехугольными кварталами далеко не таких правильных очертаний, как топрак-калинские. Самый яркий образец, разительно напоминающий Топрак-калу, это более поздняя Хайванкала (VII-IX вв.), видимо столица области Кердер. Похоже, что наиболее удобной правильной планировка оказывалась в тех случаях, когда строительство должно было вестись быстрыми темпами.

Вместе с тем в древнехорезмийских городах, как и везде на Древнем Востоке, включая Среднюю Азию, открыты дворцы, храмы и святилища, кое-где достаточно четкие следы ремесел, но пока нет сведений о кварталах разных социальных слоев населения, например кварталах знати, ремесленников. Такие кварталы открыты, например, в древнебактрийских городах Дальверзин, Дильберджин, Зар-тепе. Занимаясь материалами по древнеазиатским городам, Б.А. Литвинский пришел к выводу, что в них проживало большое количество знати, чиновничества и духовенства. Облик среднеазиатских городских кварталов, известный по этнографическим данным, близок, по его мнению, к картине, которая воспроизводится древнеиндийскими источниками. В древнеиндийских городах существовали «блоки» построек, окруженные стенами и имевшие собственные водоемы, храмы и деревья, посвященные определенным божествам. Такие «блоки», обладавшие известной автономией, Б.А. Литвинский сопоставил с позднесредневековыми кварталами Бухары, описанными О.А. Сухаревой, и сделал предположение, что истоки последних восходят к гораздо более раннему времени [Литвинский, Седов 1983, с. 124-125]. Торговцы, ремесленники, согласно указанным источникам, жили в особых кварталах. Этим данным соответствуют и древне-сопотамские материалы, где имеются сведения о наличии в городах этого региона сходных кварталов [Oppenheim 1964, с. 115-116]. Иранские города в III-IV вв. делились на две части: одна была торговой, в другой жила знать. Сирийская хроника «Керки де бет Селох» различает также части, где жили ремесленники, были царские постройки [Пигулевская 1956, с. 158].

Отличались ли древнехорезмийские города в отношении размещения разных социальных слоев населения от современных им среднеазиатских и — более широко — древневосточных, пока судить трудно. Наиболее известное в данном отношении городище Топрак-кала нетипично, так как там жил преимущественно персонал, обслуживавший дворцы. Поэтому не удивляет и большое число хумов, открытых в восточной половине города, — видимо, там находились обширные дворцовые и храмовые хранилища, отсутствовавшие в самих этих сооружениях. Специальные ремесленные кварталы в древнехорезмийских городах пока не выявлены, хотя утверждать, что таковые вообще там отсутствовали, было бы преждевременно, поскольку широкомасштабные раскопки городской территории могут внести в этот вопрос существенные коррективы. Так, например, в юго-восточном углу Хазараспа обнаружена компактная группа гончарных печей «раннекангюйской» эпохи, но, к сожалению, осталось непонятным, работали ли гончары на развалинах или же в черте живого города. В связи с этим важно напомнить одну из отличительных особенностей Хорезма — расположение гончарных

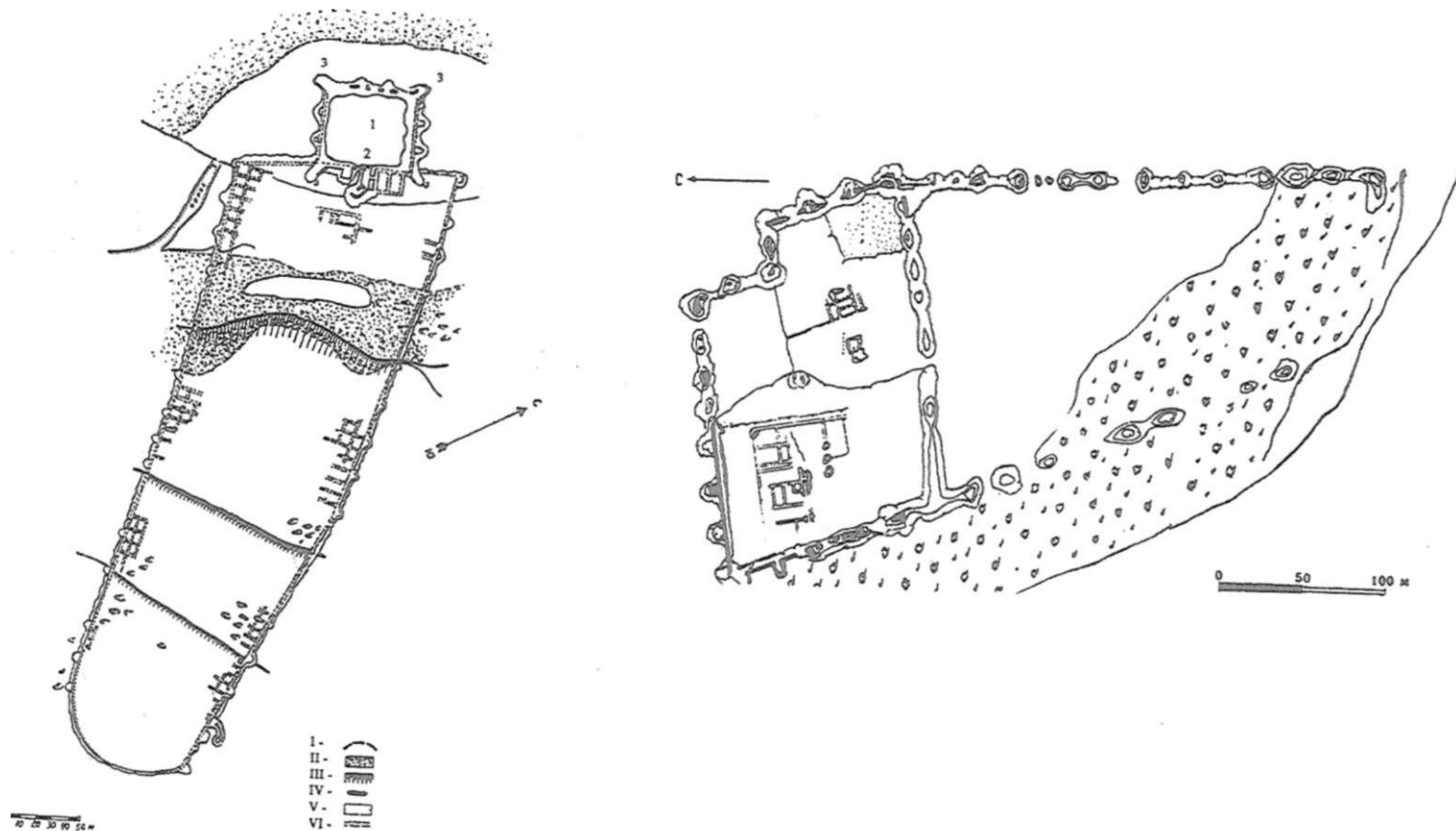

Рис. 3. Гяур-кала (левобережная и правобережная). Планы.

I — границы песка; II — песок; III — уступы склона; IV — остатки крепостной стены;
 V — осыпь стены; VI — остатки стен, намеченные в плане; 1 — крепость (цитадель);
 2 — ворота крепости и цитадели; 3 — угловые башни

мастерских вне города, в сельской местности, вблизи водоемов или каналов. Полагают, что крупное гончарное производство, известное под названием Хумбуз-тепе и находившееся в 17 км к востоку от Хазараспа, было специализированным ремесленным центром IV в. до н.э. — IV в. н.э., выполнявшим заказы, а продукция его экспортировалась в разные города и селения Хорезма, а не только в Хазарасп [Мамбетуллаев 1984, с. 36-37]. С другой стороны, по примеру раннесредневекового Пенджикента ремесленники могли расселяться вдоль основных уличных магистралей, на которые открывались их мастерские и лавки, поскольку, как известно, ремесленник тогда совмещал в своем лице и торговца.

Вопрос о роли ремесла в древнем городе представляется очень важным. Согласно установившемуся мнению, отделение ремесла от земледелия относят к числу непосредственных причин градообразования (см., например, [Сайко 1977, с. 13-14; Сайко 1989, с. 32-33]). Другие же авторы, напротив, полагают, что последнее послужило катализатором развития ремесла [Бондаренко 1995, с. 27], а не причиной его возникновения. Насколько можно судить по имеющимся данным, в древнем Хорезме города возникали прежде всего в качестве административно-политических и культовых центров, а не ремесленных. К сходному выводу пришли и некоторые исследователи древневосточных городов, в частности египетских, полагая, что это были преимущественно административные и храмовые центры и лишь в малой степени торговые и ремесленные [Woolley 1957, с. 248]. При этом всегда подчеркивается, что жители древних городов в той или иной степени всегда были связаны с сельским хозяйством. Об этом писали Г. Фрэнкфорт [Frankfort 1950, с. 102], Л. Мамфорд [Mumford 1961, с. 89], Г.А. Пугаченкова [Пугаченкова 1958, с. 29-30] и др. Занимаясь спецификой культурно-исторического аспекта характеристики древнекитайских городов (в частности, эпохи Хань), Т.В. Степугина отметила преобладание в те поры небольших, правильно распланированных городов, где проживало несколько общин, тесно связанных с земледельческой территорией, занятой полями горожан [Степугина 1995, с. 198]. Этот перечень можно было бы продолжить, но ограничимся только мнением К.З. Ашрафян: в древних городах земледелие играло более существенную роль, чем в средневековых, а промышленное производство в царских мастерских преобладало над мелкотоварным [Ашрафян 1977, с. 124]. В настоящее время еще нет достаточных данных, позволивших бы утверждать, что преобладающая часть населения городов древнего Хорезма занималась земледелием, но какое-то его количество, особенно в небольших городах, безусловно, было связано с сельским хозяйством. В крупных городах доля такого населения была, по видимому, гораздо меньше. В связи с этим необходимо хотя бы кратко остановиться на вопросе о типах расселения сельских жителей. С.П. Толстов полагал, что в IV-II вв. до н.э. они обитали в укрепленных поселениях, по внешним признакам мало отличавшихся от городских. Лишь в конце древнего (античного) периода появляются открытые неукрепленные сельские поселения [Толстов 1962, с. 249]. В таком случае Хорезм должен был мало отличаться от урбанизованной Бактрии и Южного Согда, в котором, как считает Р. Сулейманов, «типологически город являлся многократно увеличенным в размерах селом» [Сулейманов 2000, с. 79]. Или же: «При отсутствии в древних аграрных обществах про-

типовоставления села и города для всех поселений были характерны общность типологии и изоморфизм внутренней структуры; они отличались лишь размерами» [Сулейманов 2000, с. 80].

Не подвергая сомнению структурную близость города и сельского поселения в южных районах Средней Азии, следует отметить, что сейчас концепция С.П. Толстова нуждается в уточнении. Маршруты по всей территории древнего Хорезма, предпринятые в свое время автором данной статьи, занимавшимся историей поселений Хорезма, показали, что в IV—II вв. до н.э. какая-то часть сельских жителей, как и позже, расселялась в открытых рассредоточенного типа поселениях. Другое дело, какие поселения преобладали: укрепленные типа Джанбас-калы или же неукрепленные? Сплошное обследование всей зоны джанбас-калинского канала и в целом большого канала Кельтеминар с ответвлением на Джанбас-калу и Базар-калу, а также зоны древнего Кырк-Кыза на протяжении, во всяком случае, 40–50 км дает возможность сказать, что было по-разному. В зоне Кельтеминара очень мало открытых поселений, и они, как правило, тяготеют к крепостям и городам, разделяясь большими незаселенными пространствами. Приходится признать, что там основная масса населения жила в укрепленных городах типа Эрес-калы или внутри укреплений (Джанбас-кала). Иное дело — в зоне большого Кырк-Кызского канала. Там установлено плотное заселение территории вдоль канала и наличие всего нескольких укреплений разной величины, скорее всего — административных центров, которые, как упоминалось выше, отстояли друг от друга примерно на равные расстояния [Неразик 1966, с. 11].

В заключение нельзя не выразить сожаление об отсутствии сведений по поводу функций древнехорезмийских городов (или же, как говорят иначе, их специализации). Этот вопрос о «профессиях» городов разных регионов интересовал широкий круг специалистов: не только историков, этнографов и археологов, но и географов (например, см. [Woolley 1957, с. 249; Андреев 1987, с. 6; Массой 1977, с. 6]). Установлено, что такая специализация фиксируется очень рано, причем справедливо отмечено преобладание и в полифункциональных городах какой-то одной-двух функций. Согласно этнографическим данным, такая специализация наблюдалась и в Хорезмском оазисе начала XX в. Там существовали преимущественно торговые центры, например Хазарасп, или ремесленные с преобладанием какого-то одного вида ремесла (Ханки) и т.д. [Магидович 1926, с. 87–88]. Но мы не располагаем какими-либо доказательствами глубоких истоков такого деления, как бы устойчивы и консервативны ни были социальные и культурные явления в Хорезме на всем протяжении его истории.

Библиография

- Андреев 1987 — *Андреев Ю.В.* Ранние формы урбанизации. — ВДИ. № 1.
Андреанов 1969 — *Андреанов Б.В.* Древние оросительные системы Приаралья. М.
Андреанов 1981 — *Андреанов Б.В.* Археологическая карта Хорезма. — Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Археология СССР 1985. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
Ашрафян 1977 — *Ашрафян К.З.* Феодализм в Индии. М.

- Бичурин 1950 — *Бичурин И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л.
- Бондаренко 1995 — *Бондаренко Д.М.* Специфика города тропической Африки. — Город как социокультурное явление исторического процесса. М.
- Бураков 1982 — *Бураков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Таш.
- Вайнберг 1991 — *Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70-80-е гг. — Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Ч. I.
- Вайнберг, Левина 1993 — *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М.
- Вишневецкая 1972, 1978, 1984 — *Вишневецкая О.А.* Раскопки на городище Кюзели-гыр. АО 1971 г. М., 1972; АО 1977 г. М., 1978; АО 1982 г. М.
- Вишневецкая, Рапопорт 1997 — *Вишневецкая О.А., Рапопорт Ю.А.* Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. — ВДИ. № 2.
- Воробьева 1958 — *Воробьева М.Г.* Керамика с городища Кюзели-гыр. — ТХАЭЭ. Т. II. М.
- Воробьева 1986 — *Воробьева М.Г.* Базар-кала. — Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакской АССР. Вып. 2. Нукус.
- Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик 1963 — *Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е.* Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. — МХЭ. Вып. 6. М. (К сожалению, автору остались неизвестными результаты раскопок Хазараспа, продолженные в последние годы хивинскими археологами.)
- Городище Топрак-кала 1981. М.
- Гулямов 1957 — *Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш.
- Дьяконов 1971 — *Дьяконов И.М.* Восточный Иран до Кира. — История Иранского государства и культуры. М.
- Коляков 1991 — *Коляков С.М.* Раскопки крепости Кургаши-кала. — Новые открытия в Приаралье. Вып. 1. М.
- Крутикова 1974 — *Круглова И.Т.* Дильберджин. М.
- Крутикова, Пугаченкова 1977 — *Крутикова И.Т., Пугаченкова Г.А.* Дильберджин. Вып. 2. М.
- Литвинский 1973 — *Литвинский Б.А.* Древний среднеазиатский город. — Древний Восток (Местные традиции и иноземные модели. III—I тыс. до н.э.). Ер.
- Литвинский, Седов 1983 — *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.
- Магидович 1926 — *Магидович И.* Глава в кн.: Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2, ч. 2. Хорезм-Ташкент.
- Мамбетуллаев 1984 — *Мамбетуллаев М.* Хумбуз-тепе — керамический центр Южного Хорезма. — Археология Приаралья. Вып. II. Таш.
- Мамбетуллаев 1985 — *Мамбетуллаев М.* Топрак-кала Хивинская (раскопки 1973-1974 гг.). — Археология Приаралья. Вып. III. Таш.
- Мамбетуллаев 1990 — *Мамбетуллаев М.* Городище Большая Айбугир-кала (раскопки 1976-1977 и 1981 гг.). — Археология Приаралья. Вып. VI. Таш.
- Мамбетуллаев 1994 — *Мамбетуллаев М.* История и культура Южного Хорезма античной эпохи (города и поселения в IV в. до н.э. — IV в. н.э.). Автореф. докт. дис. Таш.
- Мамбетуллаев 1995 — *Мамбетуллаев М.* Формирование древних городов Хорезма. — Генезис и пути развития процессов урбанизации. Самарканд.
- Мамбетуллаев, Кдырнязов 1982 — *Мамбетуллаев М., Кдырнязов М.Ш.* Городище Ваянган. — Археология Приаралья. Вып. 1. Таш.
- Мамбетуллаев, Юсупов, Хожаниязов, Матрасулов 1985 — *Мамбетуллаев М., Юсупов Н., Хожаниязов Г., Матрасулов Ш.* Хива по итогам исследований 1985 года. — Вестник Каракалп. ФАН УзССР. 1986, № 2.

- Массон 1977 — *Массон В.М.* Типология древних городов и исторический процесс. — Древние города. Л.
- Неразик 1958 — *Неразик Е.Е.* Археологическое обследование городища Куны-уаз в 1952 г. ТХАЭЭ. Т. II. М.
- Неразик 1966 — *Неразик Е.Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
- Неразик 1973 — *Неразик Е.Е.* Проблемы исследования хорезмских городов античного периода. — Древний город Средней Азии. Л.
- Неразик 1976 — *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М.
- Неразик 1981 — *Неразик Е.Е.* К проблеме развития городов Хорезма. — Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Пигулевская 1956 — *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.
- Пугаченкова 1958 — *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.
- Пугаченкова 1966 — *Пугаченкова Г.А.* Халчаян. Таш.
- Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978 — *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др.* Дальверзинтепе. Таш.
- Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963 — *Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958-1960 гг. — МХЭ. Вып. 6. М.
- Рапопорт, Трудновская 1958 — *Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А.* Городище Гяур-кала. — ТХАЭЭ. Т. II. М.
- Ртвеладзе 1998 — *Ртвеладзе Э.В.* Древняя Бактрия. Средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития. Автореф. докт. дис. Таш.
- Ртвеладзе 2000 — *Ртвеладзе Э.В.* Бактрия и Хорезм. — Цивилизация древнего Хорезма в контексте истории мировой культуры. Нукус.
- Сазонова 1988 — *Сазонова Н.Е.* К вопросу о сложении города. — ВДИ. № 2.
- Сайко 1977 — *Сайко Э.В.* Предпосылки и условия формирования древнего города. — Древние города. Л.
- Сайко 1989 — *Сайко Э.В.* Город — продукт и преобразующий фактор культурно-исторического процесса. — Зоны и этапы урбанизации. Наманган.
- Степугина 1995 — *Степугина Т.В.* Культурно-исторический аспект характеристики города древнего Китая. — Город как социокультурное явление в историческом процессе. М.
- Сулейманов 2000 — *Сулейманов Р.Х.* Нахшаб в древности. Таш.
- Толстов 1948 — *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М.
- Толстов 1962 — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Усманова 1973 — *Усманова З.И.* Древний город Мерв. — Древний город Средней Азии. Л.
- Филанович 1974 — *Филанович М.И.* Древний Мерв. Автореф. канд. дис. Таш.
- Филанович 1983 — *Филанович М.И.* Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. Таш.
- Шишкина, Сулейманов, Кошеленко 1985 — *Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А.* Согд. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Юсупов 1993 — *Юсупов Х.* Сердце древнего Хорезма. Аш.
- Ягодин, Никитин, Кошеленко 1985 — *Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А.* Хорезм. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Ягодин, 1986 — *Ягодин В.Н.* Глава в кн.: Очерки по истории КК АССР. Таш.
- Ягодин 1995 — *Ягодин В.Н.* Древний Хорезм и центральноазиатский урбанизационный процесс. — Генезис и пути развития процессов урбанизации. Самарканд.
- Ягодин 2000 — *Ягодин В.Н.* Древний Хорезм и центральноазиатский урбанизационный процесс. — Цивилизация древнего Хорезма в контексте истории мировой культуры. Нукус.

- Adams 1965 — *Adams R.* Land behind Baghdad. Chicago-London.
- Frankfort 1950 — *Frankfort H.* Town Planning Review in Ancient Mesopotamia.— The Town Planning Review. Vol. XXI, № 2.
- Helms, Yagodin 1997 — *Helms Sv., Yagodin V.* Excavations at Karakl'y-Yatkan in the Tash-Ki'rman oasis of ancient Chorasnia: a preliminary report. 1995-1997. — Iran, XXXV.
- Mumford 1961 — *Mumford L.* The City in History: its Origin, its Transformation and its Prospects. L.
- Oppenheim 1964 — *Oppenheim L.* Ancient Mesopotamia. Chicago—London.
- Woolley 1957 — *Woolley L.* The Urbanization of Society. — Cahiers d'histoire mondiale. Vol. IV. Pt. 2.